

В КОНЦЕ восемнадцатого века в небесах случились великие странности. То ли по Божественному умыслу, то ли по Божественной ошибке в России один за другим родились два избранных: Грибоедов и Пушкин. И если сперва сами Александр Сергеевич не придавали особого значения своему божественному родству и соседству, то в последние несколько лет отмеренной жизни оба, кажется, остро почувствовали и осознали взаимное присутствие в русской литературе, истории и природе.

Что это было: притяжение, отталкивание или то и другое вместе?

«Желал бы иметь целого "Годунова", — пишет Грибоедов приятелю. И Пушкин намерен не только на слух, но и на прочет очень "Горе от ума"...

Пушкину в девятнадцатом году исполнится двести лет от роду. И в этом собрании — особый призыв Грибоедовского юбилея.

ЦВЕТАЕВА смела сказать "Мой Пушкин". С ее легкой руки множество искренне любящих гениального поэта образовали, что и у них тоже "свой" ("У каждого свой Пушкин"). Однако усредненное школой восприятие и сбалансированный уровень идейного сознания в лучшем случае давали им право на Пушкина "нашего".

С Грибоедовым вышло иначе. Он по стечению тех же обстоятельств воспринимался обществом прежде всего как "наш", легко достижимый и художественно общедоступный. Может быть, один Юрий Тынянов попытался его усвоить и даже присвоить, предельно читателю характерный портрет Грибоедова в романах "Кюхля" и "Смерть Вазира-Мухтара".

Гениальная простота "Горя" до сих пор вводит в заблуждение кажущейся прозрачностью. У Грибоедова "портреты и только портреты", он давно и открыто объявлял свою ненависть к карикатурам, а пролетарское сознание литературной и театральной критики чуть ли не весь наш век усиленно и напряженно пытается прикрыть божественное тело человеческой комедии мешковиной социальной сатиры.

Неисчерпанность "Горя" и тайные смыслы уникальной композиции открываются прежде всего в недопонимании Чацкого и неразгаданном Репетиловом...

ВЕСНОЙ 1828 года судьба свела их вплотную: привезя в Петербург Туркманчайский договор, Грибоедов поселился у Демута. Пушкин жил в номерах той же гостиницы. Встретились ли они у входа, съезжая из дома, и возвращаясь на ночлег? Или неужели не заглянули друг к другу хотя бы с визитами вежливости? Если такое и случилось, оба о том промолчали. Свидетельств нет. Однако есть безусловные показания о том, что встречались неоднократно в других домах. За ними следили. С 14 марта по 6 июня сходились у Вильгельмского, Жуковского, Свинына, Вяземского, Лавалей. А еще на одном пародийке вместе сплавляли в Кронштадт. Быть может, смотрели на воду, облокотившись рядом на поручни. Быть может, уступали один другому первенство на сходнях... Легко предположить, что в таких случаях (хотя бы и не всех) **домой**, то есть к Демуту, шли либо ехали **вместе**...

Во взаимных слушаниях был соблюден подчёрнутый паритет, и тут важны оттенки. 25 марта "на пасеке" у Свинына Грибоедов читает "Грузинскую ночь", **неоконченную трагедию**. Пушкин слушает. 16 мая у Лавалей слушает Грибоедов, а Пушкин отвечает "Борисом Годуновым", **вполне завершенной "Комедией о настоятельной беде Московского государства"**, с которой многие в Москве и Петербурге к тому времени **уже познакомились**. И здесь нельзя, чтобы случайно; не стихи, не поэма, а "драматическая повесть", либо "комедия", либо народная трагедия, нам вполне и спорить, и выбирать жанровое определение "Бориса Годунова" из пушкинских записей. Бессорно другое — здесь диалог драматургов, ответ Пушкина Грибоедову. Может быть, именно для Грибоедова и выбрана вещь, предзнаменующая к чтению у Лавалей?

Среди прочих рисунков Пушкина находил и Грибоедов в очках...

Самое интересное, как они слушали один другого, что произнесли, о чем смолчали... Шекспировский герой говорит сопернику: "Двум звездам не ходить в одном кругу, и Англия в одно и то же время моею и твоею не бывает". У нас иначе. То ли это был раздел ("Грибоедовская Москва" и "Пушкинский Петербург"), то ли **совместное владение**...

"Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию, — пишет Пушкин в 1829-м. — Он был печален и имел странные предчувствия". Вслушайтесь: не прохладное "виделся", не уточняющее "попрощался", не строгое "простился", нет, речь идет о **ишемичном русском расставанье**, которое безошибочно узнает Пушкин. Уж он-то знает ему цену.

Стало быть, весна двадцать восьмого их сблизила. Иначе Грибоедов не открыл бы Пушкину своей печали и в странных предчувствиях не сообразил...

БОЖЕ мой, сколько в Америке Чацки! Они говорят только по-русски и только о русском, и какие чувства в них оскорблены!.. "Вон из Москвы (Ленинграда, Киева, Ташкента...) сюда я больше не езду. Бегу, не оглянувшись, пойдя искать по свету (в Канаде, Австралии, Техасе...), где оскорбленному есть чувству уголок?"

Слезы, слезы у них на глазах!.. Нет, многие и хотели бы воротиться, поучаствовать, несмотря ни на что, но подумать только, почему нынче овец и почему авиалинии!.. Нужно экономить на скудном заработке или на пенсии. А пенсия и зарплата — о, это особые темы и там, и здесь. "В чины выводит кто? и пенсия дает?". Да, по-прежнему Максим Петрович с Фамусовым, по-прежнему они. От них зависит и "местечко" в условиях демократической безработицы, и чины ("Чины людям даются..."), и статус "бегенна", и "вельфер"; они ведут прием в собесе, индексируют, распределяют и прочая, и прочая...

А Чацкий нынче без возраста. Это — и постаревший юноша с понижкими стихами, и инфантильный пенсионер с несмываемыми заслугами.

"Понимаете, — говорит нараспев один из них, — конечно, там я никогда бы не имел то, что имею здесь... — Мы гуляем по аристократическим окраинам Сизтла, рядом бежит неразлучная собака-эмигрант ("как шелковая шерстка"), на нас косятся высокомерные игроки в гольф, и мой Чацкий завершает новый афоризм: — Но здесь я никогда не буду иметь то, что имел там...". О, речь идет не об одних материальных благах!.. "И дым отечества" им "сладок и приятен".

Я иду рядом, слушаю его, но между нами неизбежное расставание. Это я — "дым". Я играю роль Дыма, напоминаю ему о России, Грибоедове и его неизбывном горе от ума. Что тут сказать?..

Я молчу, и вот уже все собравшиеся — господин Н. и господин Д., господа А., Б и В., супруги Горичи, старики Тугоуховские, тетки, племянницы и все четверо собравшихся в зале русскоязычных жителей прекрасного Сан-Франциско подсаживаются мне следующую строку:

Александр Сергеевич Грибоедову исполнилось двести лет. Из неокончательно установленных дат его чудесного рождения выбрана одна, и вот — ОТМЕЧАЕМ! Фамусовы — в ложах, Скалозубам досталось в генералы, Софьи с Лизами радуют взоры в рядах общественного движения "Женщины России".

ПРОЧЕМ, кому из россиян свой век не казался самым невероятным? Кажется, Александром Сергеевичем не раз приходилось слышать привычные жалобы на время, иначе их столь разные герои, как Фамусов и Герцог, не сокрушались бы так единомышленно:

*Ужасный век! Не знаешь, что начать...
Ужасный век, ужасные сердца!*

Может быть, и мы, глянув в гениальные зеркала, догадаемся, что времена отличаются одно от другого только по принадлежности: **наше оно или не наше...**

ИЗ "ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ" до нас дошла всего несколько сцен, набросок и довольно вытнятный пересказ содержания. Князь отдают в рабство сына своей кормилицы, и оскорбленная мать ищет мщения. Она призывает себе на помощь злых духов по имени "али". "Но силы слыше есть! Прочь совесть и боязнь!.. Ночные чудя! Али! Али! Явите мне свою приязнь, Как вы всегда являли Предавшим веру и закон, Душой преступным и бессильным..."

Али! Али! Явите мне свою приязнь, Как вы всегда являли Предавшим веру и закон, Душой преступным и бессильным...

Как посравнить да посмотреть...

Каким трагическим ветром повеяло бы на нас, услыш мы этот текст со сцены!.. И вот али, загадочные существа женского рода, появляются, "плываю в тумане". "В парах вечерних, перед входом Печальной девственной луны, Мы выступаем хоромово Из незримой глубины".

Однажды я спохватился на этих словах, услышав знакомую мелодию: "Веселой толпою С глубокого дна Мы ночью всплываем, Нас греет луна..." Ведь точно так же, как али, готовятся к приходу другого князя пушкинские русалки, не менее загадочные существа женского рода! И те, и другие, кажется, готовы взять на себя роль шекспировских ведьм из "Макбета", явно повисив их действенные полноточия.

У Грибоедова: "Настанет день и час пробьет".

У Пушкина: "Я каждый день о мщени помышляю. И ныне, кажется, мой час настал..."

В сохранившемся изложении грибоедовского замысла еще рельефнее стали проступать темы и положения пушкинские "Русалки". "...Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях... Князь... обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю — забывает обещание... Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познать цену потери дитяти. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство оквернила мстью, они гибнут в отчаянии" (подчеркнуто мною. — В. Р.).

Сравним. Пушкинский мельник лишается дочери ("Бог наказал меня за то, что слабо я выполнил отцовский долг"). Князь, отказавшись от любимой и будущего ребенка, в браке несчастлив и бездетен ("И этому все я виною!"). Дочери мельника, ставшей царей русалкой, так же как и кормилице в замысле Грибоедова, не дано утолить чувство мести.

Поражает глубина общей для авторов христианской мысли: не меньше своего обидчика виновен замышляющий мстять; берущий на себя право наказывать сам достоин наказания. (Вспомним: "Мне отмщение, и Аз воздам.") И здесь, и там осознавшим свою вину героям уготована особая гибель — гибель "в отчаянии".

Открываются и другие сближения. "Предмет" "Грузинской ночи" почерпнут "из народных преданий и основан на характере и нравах грузин..."

В основе "Русалки" — русские и украинские предания, русские характеры и нравы... "Грузинская ночь" "погибла вместе с автором".

"Русалка" осталась "в столе"...

Совершенно независимые друг от друга, они поражают родством... И для нас возникает насущная нужда познать, почему **ведет за "Борисом Годуновым" и "Горем от ума"** для русской сцены намечались **народные трагедии "Русалка" и "Грузинская ночь"**. В предположении о том, какое будущее готовили нашему театру Пуш-

кин и Грибоедов, их параллельные замыслы сближаются по смыслу, судьбе и значению...

ТЕЛО Грибоедова везли в Тифлис; Пушкин направлялся в Арзрум. Подчиняясь Божественному намерению, время и пространство вошли в согласие, и последнее свидание состоялось. Трагический финал в Тегеране предвещал трагическую развязку на Черной реке...

"Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств" (А. Пушкин). Многие считают, что "некоторые облака" обозначают четверную дуэль. К ней стоит воротиться...

"Пылкие страсти" важно запомнить, пытаясь представить себе Грибоедова. И то, как тайно увез к себе Истомину. И то, как взорвался на хоры и, к ужасу католических монахов, рванул на органы "Камаринского". И то, как в том же Брест-Литовске вдвоем со Степаном Бегичевым по парадной лестнице въехали на лошадей во второй этаж на балное собрание. А главное, что, по словам А. Бестужева, это был человек "без всякого жеманства, без всякой формальности".

Владимир РЕЦЕПТЕР

Как посравнить да посмотреть...

Поклонившись высокому художественному дару Юрия Тынянова, можно допустить честный спор о реальном характере бессмертного юбиляра.

СЛУЧИЛОСЬ так, что сначала роль Грибоедова сыграл в телевизионной версии "Кюхля" (режиссер А. Белинский). Позже вместе с Р. Сиротой я ставил на телевидении "Смерть Вазира-Мухтара" и снова играл Александра Сергеевича. Состав участников был звездный — Большая драматический в своем зените. Пушкин — С. Юрский, Чаадаев — В. Стрельчик, Паскевич — Е. Лебедев, Ермолов — Н. Корн, Булгарин — Н. Трофимов, Ленхен — Н. Тенякова, Аляхун — Е. Коняля, Николай I — В. Медведев... На просмотр в Театральный музей Бахрушина пришли В. Шкловский, В. Каверин, И. Андроников, В. Виленкин, В. Непомнящий, Ст. Рассадин, Л. Лазарев, Б. Сарновский. Рассуждали, похваливали, приводили примеры и параллели... Двухчасный телероман был принят и назначен к показу...

Накануне выхода передачи в эфир какой-то блестящий режиссер позвонил по телефону и задал вопрос: удобно ли, мол, накануне визита товарища Н. Подгорного в Иран напомнить нашим телезрителям и тегеранским вождям о насильственной смерти на их земле русского посланника? "Нет, — сказала начальство, — неудобно", — и, поблагодарив редактора за принципиальность ("Окроме честности есть множество отпад: Ругают здесь, а там благодарят"), свляло передачу с эфира...

Так время и случай внедрились в меня болезненную истину о том, что Грибоедов — фигура не только литературная, но и державно-политическая...

Но еще прежде случился счастливый для меня ввод на роль Чацкого в "кромольный" спектакль Г. А. Товстоногова, ставший к тому времени театральной легендой. Правдивая история об ампутации ленинградским обкомом пушкинского эпиграфа "Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом!" передавался из уст в уста, как сплетня о Чацком или как афоризмы самой комедии сразу же после первых чтиков.

С. Юрский, играя Александра Андреевича, приглядывался к характеру Пушкина. Я надел грибоедовские очки, пытаясь понять отношения героя и автора...

ДОЛГО я жил уединен от всех, — писал Грибоедов Бегичеву в 1825 г., — вдруг тоска выехала на белый свет, куда, как не к Шаховскому? Там, по крайней мере, можно гулять смело рукою по лебяжьему пуху мыльш грудой етс. В три, четыре вечера, Т. (Телешева, балерина. — В. Р.) меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз и сама свылкалась с тем чувством, от которого я в грешной мойи жизни чернее угля выгорел". Так открыто и так беспощадно по отношению к самому себе он соотносил свой последний по времени роман с давней историей, не дававшей ему покоя до конца дней. Тогда, в 1817-м, все вышло из-за другой балерины, Авдотьи Истоминой...

Сюжет четверной дуэли готовился исподволь, но развивался стремительно. И, как ни толкуй, все три акта трагедии в воспоминаниях современников обозначились четко.

Акт первый. Повод и причина дуэли. Тайно сговорившись с Истоминой, Грибоедов берет ее к себе в карету и везет на свое временное пристанище, в квартиру графа Завадовского. Тайно становится явным, и Василий Шереметев, предьявляя свои двуклетные права на молодую танцовщицу, вызывает на дуэль хозяина дома. Якубович как товарищ Шереметева требует удовлетворения от самого Грибоедова. Вызов принимается.

Акт второй. Дуэль. 12 ноября 1817 г. в два часа пополудни Завадовский смертельно ранит Шереметева на Волковом поле, и по этой причине поединок Грибоедова с Якубовичем откладывается. Грибоедов потрясен мучительной смертью своего давнего приятеля.

Акт третий. Последствия дуэли. В следующем году происходит кавказское завершение картели: Якубович прицельно и намеренно стреляет Грибоедову в ладонь левой руки (на память), связывая болезненную ра-

ну с мучительным воспоминанием о бьющемся на снегу в предсмертной тоске Васе Шереметева...

Как бы ни трактовали сюжет современники или ученые, без повода дуэль не могла бы состояться, а повод устроил великий драматург. Мы волны со всею силою нашей любви к Грибоедову закрывать глаза на причины и следствия, но важно понимать, что он-то себе не простил и тем высок. Будучи беспорочным автором главного своего сочинения — собственной жизни, Грибоедов признавал за собой если не трагическую вину, то нравственную ответственность ("... Я в грешной мойи жизни чернее угля выгорел"). Он платил по счетам кровью и раскаянием. Мученическая смерть Грибоедова наводит на мысль об искупительном самопожертвовании.

Под впечатлением символической встречи с останками Грибоедова Пушкин писал: "Обезображенный труп его, бывший три дня в агниальном тегеранской черни, узан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею."

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году (год четверной дуэли. — В. Р.). Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, всё в нем было необыкновенно привлекательно. Родившись с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был окутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Нескольду друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе...

ИГРАЯ Чацкого, самый неудобный для себя я находил сцену с Репетиловым. Отчего "чувствительный" Александр Андреевич так грубит ему, так резко обрывает: "Послушай, ври, да знай же меру", "Да полно вздор молоть" и т. д.

А Репетилов в восторге от встречи. Он говорит о ее особой значительности и уганданной предопределенности. Совсем в ней есть тайный и неизвестный самим героям смысл... Потом — о необычной силе дружеского чувства, дружбе, переходящей в любовь, не знающей грани и пределов. О преданности Чацкому, равной которой не найти в целом мире, и болезненности этого чувства — "роде недуга". О готовности отказаться ради Чацкого от семьи, мира и жизни. В угоду ему, может быть, заложена сама душа Репетилова. Кому же это? Уж не самому ли дьяволу?..

Я нарочно пересказываю монолог "своими словами", чтобы насторожить читателя. Быть может, Чацкому неприятно слышать притязания Репетилова на особые, мистически-родственные отношения с ним, потому что он и сам чувствует их основательность?

Дело идет к развязке, сюжет практически исчерпан (недаром режиссеры склонны переносить сцену с Репетиловым повше), к чему же это "репете", или повторение, или — по Далю — "протвержение" мотивов и положений?.. Чацкий, появляясь, падает к ногам разлюбившей его Софьи. Репетилов спотыкается о порог и растягивается у ног Чацкого. И тот, и другой при встрече со своим "предметом" оживлены и говорливы, оба, перебирая знакомых, рисуют галерею узнаваемых портретов. Оба получают афронт.

Чацкий
Я сам? не правда ли, смешон?..

Репетилов
Я жалок, я смешон...

Чацкий
...пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок? — Карету мне, карету!
(*Уезжает*)

Репетилов
Куда теперь направить путь? А дело уж идет к рассвету. Поди, сажай меня в карету, Вези куда-нибудь.
(*Уезжает*)

И в замысле, и в сюжете "Горя от ума" Репетилов необходим как **второе ведущее колесо на оси**, без которого карета перевернется. Блистательный парадокс грибоедовской композиции именно в том, что история Репетилова хронологически предвращает историю Чацкого и должна служить ему и нам **предостережением от повтора**...

Репетилов оттого и остается фигурой неразгаданной, что традиция производит неравное и несправедливое распределение драматизма между двумя героями. Вся драма достается Чацкому, а Репетилов довольствуется ролью пустого шута. У Грибоедова и в смешном виде, и в трагическом положении оказываются они оба...

На горьком опыте Репетилов убедился, что служба в его время губительна и не стоит душевных усилий.

Чацкий
Служить бы рад, прислуживаться тошно...

Репетилов
Тыфу! служба и чины, кресты — души мытарства...

Службист Фамусов полагает за правило "порадеть родному человеку". Службист фон Клотц, тесть Репетилова, "боялся, видишь, он упреку за слабость будто бы к родне!".

Но оба явно одного поля ягоды, и кажущаяся разница призвана подчеркнуть зеркальное отражение брака предполагаемого (Чацкий — Софья) и брака почти распавшегося (Репетилов — дочь Клотца).

Однако если бессмысленны и служба, и семья, что взамен предлагает им современная жизнь? Неужели балы?... Нет.

Чацкий
Вчера был бал, а завтра будет два.

Репетилов
Что бал? братец, где мы всю ночь в приличных скановы, не вырвемся из приличных ига...
Общественная жизнь?..

Никто не обнаруживал безусловный скепсис и чувство юмора в самом Репетилове, а между тем его описания и портреты блистательно остры, саркастичны, свидетельствуют о глубоком уме. "Шумим, братец, шумим..." — как раз и сказано с юмором, а вопрос Чацкого "Шумите вы? и только?" обнаруживает печальное состояние героя, в котором он **юмор утратил** или, по крайней мере, на время перестал чувствовать.

Для скептика Репетилова, "убивающего" свое время, общество "умных" ("Фу, братец, сколько там ум!" — лишь новый повод отвлечься, пошуметь и потешиться, тогда как Чацкому, не утратившему последних надежд, все еще хочется серьезных причин и общественного служения.

Именно в таком диалектическом соотношении веры и безверия ответ на вопрос об отношении Грибоедова к радикальным идеям декабристов. Именно поэтому гениальная комедия оказалась честным зеркалом русского дворянства...

Репетилов не врет, утверждая, что отвергал не только службу и семью, но также и "законы, совесть, веру!..". Он почти сокрушен в финале известием о сумасшествии Чацкого: "Царь небесный!.. Что наш высокий ум!.."

Он, может быть, и шут, но шут трагический...

ДЛЯ юбилейного грибоедовского вечера воображался мне такой спектакль, в котором отразилась история постановок "Горя от ума" на русской сцене. Первый акт в таком случае стоило бы поручить **Малому театру**. Акт второй стал бы реконструкцией сцен знаменитого спектакля в **Театре имени Всеволда Мейерхольда**. Третий сыграл бы нынешний **МХАТ имени Чехова**, взяв его из текущего репертуара. Ну, а четвертый я бы, конечно, отдал БДТ и спектаклю Г. А. Товстоногова. Представьте только возможность увидеть сцены с Чацким, Молчалиным и Софьей — в исполнении **нынешних** Юрского, Лаврова и Дорониной! Сколько новых смыслов и подтекстов здесь можно было бы уловить!

Какое счастье эта пьеса!..

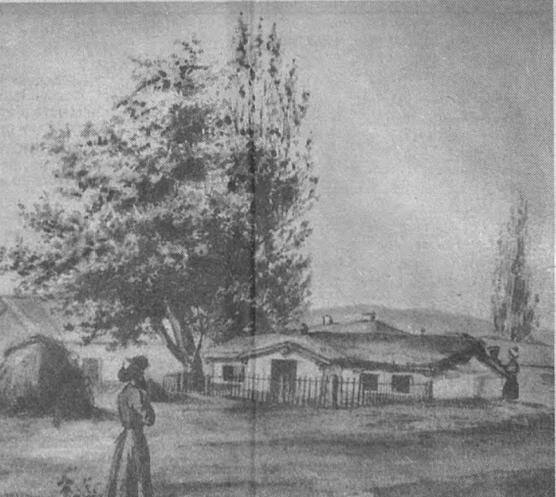
КАК ВСЕ мы вместе и каждый в отдельности, Грибоедов мечтал о счастье и свободе. И, как никто другой, он заслуживал свободы и счастья. Но именно ему досталось узнать и гениально выразить чувство общей униженной связанности в стихотворении "Прости, отечество!":

*...Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на еиный миг,
Как неожиданно как дивно!..*

Несмотря на исторический трагизм русской жизни, преодолевая угрюмые тяготы своей необыкновенной судьбы, Грибоедов живет в нас и возвращает к нам, как **свет счастья**.

А. С. Грибоедов (слева) на церемонии подписания Туркманчайского мирного договора 10 февраля 1828 года. С гравюры В. Мошкова.

Так выглядела в крепости Грозная дом генерала А. П. Ермолова, при котором Грибоедов служил по дипломатической части. Акварель сохранилась у потомков Ермолова.

Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший...
Самое время смотреть и сравнивать.